

Выводы и наблюдения, содержащиеся в монографии, могут быть использованы для решения проблем ряда гуманитарных наук: общего и финно-угорского языкознания, этимологии, ономастики, этнолингвистики, истории и диалектологии хантыйского и ненецкого языков. Новый языковой материал, представленный в монографии, может найти применение при подготовке словарей хантыйского языка, в процессе вузовского и школьного обучения, в культурно-просветительской работе.

А. С. Козлов

Рец. на кн.: Mathisen Ralph W. People, Personal Expression, and Social Relations in Late Antiquity: 2 Vol. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. Vol. 1 – 298 p.; Vol. 2 – 248 p.

Двухтомник Ральфа В. Матисена основной своей целью ставит построение репрезентативного ряда сведений из источников, который охватывал бы четырехсотлетний период истории Римской империи от правления Галлиена до гибели императора Ираклия. Результатом такой конструкции предполагается базирующийся на этих сведениях последовательный рассказ, который, по мысли автора, позволяет «глубоко проникнуть в людскую среду поздней античности»; «при сосредоточении внимания на ее гуманитарной стороне – на личных взаимоотношениях людей, их предубеждениях, амбициях, ошибках, добрых делах, успехах и неудачах» (р. X–XI). Кроме того, Матисен обещает, что развитие позднеантичного общества будет рассматриваться с позиции тех, кто переживал это развитие и влиял на характер его деталей. Иначе говоря, метод достижения поставленной Матисеном цели заключается в увязке первоисточников (иногда довольно значительного объема) с аналитическим рассказом. Признавая, что такой труд иногда может выливаться в описание анекдотической конкретики частной жизни, исследователь, тем не менее, думает, что результатом его окажется иллюстрация вариативности жизненных ситуаций тех, кто жил в рассматриваемую эпоху.

После краткого предисловия, акцентирующего внимание на этих задачах, автор предуведомляет, что хронологические и тематические рамки монографии лимитированы: объектом изысканий является поздняя античность и те провинции, которые составляли Галлию. Поздняя античность, с одной стороны, неотделима от конца классической античности, а с другой — от начала европейского Средневековья, однако Матисен, следуя за таким специалистами, как П. Браун, полагает, что это была в то же время самодовлеющая эпоха. Сутью ее являлось то, что это было временем социального разрушения (*social disruption*), вызываемого тремя явлениями — возвышением христианской церкви, дезинтеграцией былой Римской империи и учреждением варварских королевств.

Когда при анализе сообщений предлагаемых в первом томе переводов из источников Матисен исследует, насколько это позволяет ему его методика, какую-либо крупную общественную группу, он пытается рассмотреть ее развитие с по-

зиции всего ее состава. И именно при подобном подходе обнаруживается один из основных его методологических принципов. Он утверждает, что не следует делить население, как это обычно делают историки, на элитные и неэлитные классы. На практике же Матисен пытается показать, как конкретные люди проявляли себя в различных общественных группах, определяемых уровнем образования, половой и возрастной принадлежностью, религией, этническими признаками, социальным и имущественным статусом, а также семейными связями, где уровень привилегий и статус человека испытывали влияние не только отношения к нему его собственной группы, но и соотносились с его конкретными возможностями, честолюбием и интересами.

Таким образом рецензируемая книга по форме своей напоминает синтез научного монографического исследования и учебной хрестоматии, причем если для первого тома характерны признаки исследования социально-исторического, то для второго — изыскания филологического типа.

Отмечая в первую очередь несомненные удаchi Матисена, укажу для начала, что в то время как весьма немногие моменты нарушают в книге оригинальный принцип ее содержания и композиции, для специалистов и студентов, занимающихся поздней античностью, она оказывается важным подспорьем, которое аккумулирует яркий спектр первичных текстов, некоторые из которых мало известны. Например, Матисен весьма плавным стихом переводит большую часть комедии «Кверол», так же, как и некоторое число стихотворных надписей. Его перевод письма «Nisi tanti seminis...», написанного неизвестной аристократкой другой знатной даме где-то в IV—VI вв., делает этот интереснейший текст гораздо более доступным, нежели прежде. Его переводы всегда точны и иногда весьма эстетичны. Например, благодаря им весьма динамичным оказывается стиль надписей, довольно тяжеловесный для чтения в латинском оригинале.

В связи с этим следует отметить, что второй том представляет параллель к первому. Он включает в себя не только все латинские тексты, которые переведены в томе первом, но и некоторые другие. Всего здесь свыше 140 текстов разных жанров и из разных типов источников. Матисен предупреждает читателя, что это лингвистическое и литературное собрание *per se*, так как подобные тексты не могут быть адекватно поняты, если не понимаешь средств, которые использовали для того, чтобы выразить себя, люди, жившие в то время. После ряда замечаний о позднеантичной латыни как самостоятельном языковом стиле, а не о выродившейся форме латыни классической, он переходит к обсуждению жанров.

Тем самым Матисен предлагает что-то вроде краткого пособия по грамматическим особенностям (по крайней мере, в сравнении с классической латынью) языка позднеантичного Запада, список риторических схем и топосов, типичных для авторов того периода (заимствованных из «риторики» Геренния), весьма краткое введение в палеографию и палеологию плюс краткое пособие по эпиграфике. Завершается «Introduction» тремя с половиной страницами разъяснений относительно римских дат. Затем, как и в первом томе, следуют семь глав и заключение. Именно эти разделы содержат (кое-где более полные, нежели их переводы в пер-

вом томе) оригинальные латинские тексты. Тексты сопровождаются библиографической справкой, в которой, как правило, присутствуют и первостепенные, и вторичные работы, кратким введением и примечаниями, иногда пространными, иногда довольно скудными. Кое-где Матисен прибегает к поправкам версии текста, который использует. Например, текст 1.7 (письмо священника Рустика Евхерию Лионскому), опубликованный в издании «Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum» (vol. 31, t. 1), явно сверен с манускриптом «Codex Sessorianus 77» (Biblioteca nazionale Vittorio Emanuele). То же самое касается текста 1.12, но примечания к нему отсылают к пассажам из Вергилия, использованные Авитом Вьеннским для защиты от обвинений в варваризме. Иногда примечания содержат литературный и исторический комментарий. Сами тексты презентованы в ясной и удобной для чтения форме.

Орфография текстов упорядочена, добавлена необходимая пунктуация (исключение — эпиграфические тесты, которые Матисен дает по возможности ближе к оригиналу). Однако иногда исследователь предлагает как не подвергнутый конъектуре оригинальный текст, так и подправленную версию, более легкую для читателя. Типичный пример — подборка 3.29, где представлен пассаж из «Овернского формуляра», начинающегося словами «*mos inixit antiqua, printipium iura decreta sanxerunt....*». Матисен предлагает читателю, слабо знакомому с позднеантичной орфографией, более удобный вариант: «*mos iniunxit antiqua, principium iura decreta sanxerunt....*». Однако, несмотря на такого рода помощь, некоторые тексты все же малопонятны. Трудность языка таких, например, авторов, как Аполлинарий Сидоний и Авит Вьеннский, хорошо известна, и многие филологи уже не называют их стиль «изысканным», как это делал Андре Лобен. Однако ситуация от этого не упрощается. По страницам тома можно проследить, как тексты становятся все более знакомыми человеку, хотя бы немного интересующемуся этой эпохой, — возможно, потому, что Матисен, подобно большинству тех, кто трудился в подобной сфере в прошлом, все более обращается к главам из Григория Турского, хотя латынь этого автора едва ли может быть названа классической.

Использование книги облегчается тем, что она включает в себя пять приложений — списки имен императоров, большинства римских епископов того времени, варварских королей континентального Запада, весьма полезный глоссарий фраз и терминов (на латинском и на английском) и, наконец, алфавитный список источников. Указатель содержит предварительную библиографию к изучаемому периоду, в том числе — касающуюся языка и литературы, а также пятистраничный список переведенных документов.

Однако у читателя, особенно российского, привыкшего к сильной и желательной непротиворечивой социальной составляющей в подходах к исследованию какого-либо общества, книга Матисена, особенно ее первый том, может вызвать немало вопросов.

Нетрудно заметить, что первые две главы, глава шестая и значительная часть материала главы третьей первого тома посвящены позднеантичным привилегированным сословиям. В известной мере это понятно — большинство социальных

реалий в источниках ориентировано именно так. Начинает Матисен свои социальные изыскания, как это обычно делается в западном антиковедении, с senatorской аристократии, т. е. тех, кто стоял наверху позднеантичной социальной и политической пирамиды. Одно из определяющих и оригинальных наблюдений исследования заключается в том, что если характеристику сенаторам задавали прежде всего их официальные сословные обязанности, то именно эти обязанности были тем, что общепризнанно чередовалось с периодами досуга (*otium*). Матисен предполагает, что основными занятиями, заполнявшими *otium* аристократа, являлись литературные штудии. Наиболее яркие наблюдения, сделанные в этом отношении исследователем, касаются констатации, во-первых, того, что такого рода штудии являлись существенной частью аристократического *ethos*’а (этот несколько неопределенный термин Матисен употребляет довольно часто), а во-вторых, что классическая культура служила унифицированию (*unify*) римских аристократов, которые по иным параметрам были разделены рангами, родом занятий, уровнем богатства и пространственными расстояниями. Хотя некоторые члены аристократического сословия, благодаря трудностям того времени, и претерпели тот или иной ущерб, занятия литературой позволяли им тем ли иным способом общаться как равным. Даже такое приземленное занятие, как копирование текстов или иных сочинений для других сенаторов, позволяло аристократу вращаться в литературных кружках и изыскивать способы оставаться на плаву. По мнению Матисена, литературный труд оказывался не только интеллектуальным вызовом обстоятельствам времени, но и средством укрепления позиции аристократа в обществе.

Что касается позднеантичной галло-римской муниципальной знати, декурионов или куриалов (по выражению Матисена — *the lower ranking aristocrats*), второго, согласно официальным привилегиям, сословия империи, то исследователь в первую очередь указывает на то, что эти люди были способны занимать некоторые государственные и общественные должности. Я бы сделал здесь акцент именно на муниципальных должностях, ибо жизнь куриалов определялась состоянием муниципальных имуществ, развитием города. Именно судьбы этого сословия, самого массового в господствующем классе античности, часто являлись предметом изысканий советского антиковедения. Будучи знаком только с западной (в основном англоязычной) литературой, Матисен не делает оригинальных для российского читателя наблюдений относительно эволюции куриалов. Как известно, в поздней античности социальное и материальное положение многих членов этого сословия становилось все более неустойчивым. В то время как большинство куриальных фамилий приходило в упадок, некоторые из них оказывались способны, консолидировавшись, устанавливать контроль над рядом городских общин. Матисен пишет, что некоторые семьи куриальной верхушки, которым прежде мешала возвыситься позиция сенаторов, теперь обрели шанс к процветанию. Но исследователь обращает внимание и на обратную тенденцию: те куриалы, которые не были способны найти для себя могущественных патронов, часто сталкивались с силовым давлением частных и официальных лиц. Это яркое свидетельство нестабильного характера эпохи с присущими ей участвовавшими похищениями, пора-

бощением и убийством горожан, когда *poor and the powerless* испытывали постоянную угрозу противоправных действий со стороны лиц, обладавших высоким общественным и имущественным положением. Однако, по мнению Матисена (и это действительно свежее, интересное наблюдение), свидетельством частичного сохранения прежнего порядка вещей является то, что те куриалы, которые обнаруживали познания в классической литературе, часто могли претендовать на определенное место в аристократическом обществе, это обуславливало мелодраматичные изменения в статусе, возможные только для некоторых из них.

Обращаясь к исследованию жизни позднеантичной фамилии, но привлекая примеры опять-таки в основном из среды позднеантичной знати, Матисен пишет, что *familia* обеспечивала спайку всех сегментов общества. Она оставалась центром лояльного поведения для его членов, и статус человека в семье во многом определял его социальное положение за ее пределами. Мало того, только на примере семьи (и это правильно — применительно к состоянию источников) мы можем видеть, какую роль в тогдашнем обществе играли женщины и дети, а знания о детях, которые обычно демонстрируют знатоки поздней античности, весьма ограничены, Матисен приводит некоторые весьма яркие свидетельства: он дает перевод писем Сидония, где тот упоминает о заболеваниях своего ребенка, а также перевод ряда весьма трогательных эпитафий. Но женщины, в отличие от детей, по случаю обретали возможности к независимому поведению, и их роль в той или иной группе или в локальном обществе время от времени могла быть довольно существенной. Надо, в то же время оговориться, что хотя некоторые женщины, и особенно вдовы, по закону были *sui iuris*, зачастую это не оказывалось чем-то значимым. Иногда женщины все же были способны сделаться независимыми от близких им мужчин, и обращение к религиозной жизни часто давало им возможность определенной автономии, которая в иных случаях была малодоступна. Вывод Матисена заключается в том, что если позднеантичные перемены на жизнь детей скорее всего серьезно не повлияли, то «женщины, как кажется, иногда извлекали выгоду из распада некоторых традиционных институтов, оказываясь способными пользоваться бóльшим самовыражением, нежели в прошлом, особенно в выборе супругов» (p. 112).

Особо следует указать на необычное название четвертой главы — «Social Turmoil: 'New Men' and Bandits, Romans and Barbarians», и самая примечательная ее черта заключается, наверное, в том, что она пронизана убеждением Матисена, что современники поздней античности взаимодействовали *in many different ways*. Исследователь считает, что позднеримское общество было структурировано не так, как указывают прямые сведения наших источников. Взаимоотношения различных социальных элементов действительно строились по-разному, и человек невысокого официального статуса мог возвыситься над другими в каком-то виде активной деятельности: римляне могли одерживать верх над варварами, клирики над епископами, а женщины над мужчинами. Общество находилось в состоянии непрерывных изменений, и устанавливаемые правила поведения обретали переходный, зыбкий характер. Отсюда – новые благоприятные возможности для сме-

ны места в жизни, открывающиеся практически каждому. Например, мы видим, как *povi homines*, часто происходящие из имущих деятелей малых городов, а то даже из еще менее привилегированных элементов общества, довольно быстро и регулярно сменяют представителей старой элиты. Например, в первые годы поселения варваров в галльских провинциях не существовало юридических процедур, по которым римлянин мог бы получить возмещение за обиду, нанесенную германцем, и конфликты зачастую могли быть улажены только благодаря прямому обращению к королю. Однако в конечном счете отношения между римлянами и варварами обретали все большую урегулированность — процесс, достигший своего завершения в появлении германских правовых сводов.

Нетрудно заметить, что в отличие от первых глав тома акцент здесь делается не столько на социально-сословных разрядах, сколько на вертикальной динамике, имевшей место в поздней античности. Убедительного обоснования такой смены методики Матисен не приводит, а это, во-первых, оставляет в стороне специальный анализ самых многочисленных сословий и групп населения — плебса, колоннов, рабов; во-вторых, в книге нет четкого различия между вертикальной динамикой в социальной среде западного и восточного римского общества, а ведь разница здесь была существенной, и особенно она касалась эволюции социальных групп в муниципиях и полисах.

Пятая глава также резко меняет акцент исследования по сравнению с предыдущими главами, описывая последствия «религиозной революции» поздней античности для каждого сегмента общества, что проявилось, считает Матисен, в преодолении христианством социальных и культурных границ, в трансформации интеллектуальных позиций, аристократических карьер, социальных отношений, семейной жизни и гендерных ролей. Позднеримские аристократы тяготели и к светской системе ценностей, характерной для античности, и к новой — христианской, церковной, характерной для грядущего Средневековья. Уже в начале наблюдений за этими преобразованиями Матисен отмечает, что этот процесс время от времени вел к конфронтации. Но конфликт между язычеством и христианством иногда оказывался, например, в контексте сведений о чудодейственных исцелениях, которые демонстрировали, что христианская магия сильнее. В своем исследовании христианской культуры Матисен отмечает, что рост влияния церкви и распространение христианского этоса, в свою очередь, порождал перемены и новые конъюнктуры. Последние благоприятствовали прежде всего мужчинам из среды знати, но существовали и пути, на которых находили самореализацию также преисполненные энергии женщины, причем не только в церковной или монашеской среде.

Деятельность женщин, принадлежащих к элите тогдашнего общества, — предмет главы шестой. Проявляя благотворительную активность, как, например, вклады в церковь, некоторые женщины оказывались в определенном защитном поле. Но женское милосердие имело и другую сторону. Матисен показывает, как заметные в обществе женщины могли подвергнуться значительному социальному и даже политическому давлению, чтобы жертвовать на дела, которые местная церковная

верхушка считала необходимыми. Другие становились способными играть важную роль в обществе и в политике, используя положение своих фамилий. В ряде таких случаев они извлекали выгоду из переворота, следовавшего за утверждением господства варваров и возрастанием мощи церкви. В качестве примера Матисен анализирует карьеру женщин из фамилии Сидония. Он продлевает большую работу, подбирая значительное количество текстов, относящихся к этим женщинам и к их беспокойным мужьям и демонстрируя тонкие социологические наблюдения над тем, что сделало дела семьи мужей этих женщин их собственными делами (примерно так, как это произошло с Теренцией в отношении семьи Цицерона несколькими столетиями раньше). Матисен завершает главу наблюдениями над личностями нескольких варварских королей и подводит черту результатами анализа того, как общественные изменения поздней античности и начала Средневековья подарили некоторым возможности выразить себя, повысить свой статус и получить определенное личное удовлетворение, особенно благодаря своему участию в мероприятиях церкви.

Последнюю главу монографии Матисен посвящает тому, что он называет «неадекватным поведением» женщин и представителей низших классов (*the lower classes*) эпохи. Позднеантичное общество предоставляло наиболее явные преимущества знатым мужам, как римлянину, так и варвару. Возможности, возникающие благодаря появлению новых учреждений (например, церковных), довольно скоро были использованы теми же самыми лицами. «Так что же было с рабом, бедняком или женщиной, которые желали бы обрести большую степень самовыражения?» — задается вопросом Матисен (p. 211). Им, полагает он, было открыто много путей, на которых непривилегированные индивиды могли выразить собственное мнение или попытаться осуществить свои амбиции. В своих размышлениях о том, как женщины могли оказаться лидерами там, где таковыми традиционно были мужчины, Матисен исследует феномен Женевиэвы, которая спасла Париж от гуннов; он также включает в данный раздел несколько глав ее жития под заголовком «Колдунья в качестве святой» (после описания некоторых ее чудес и болезней, которые, согласно ее агиографу, Бог наслал на ее врагов). Действительно, некоторые из ее дел являлись типичными для святых жен, а другие, вроде организации обороны Парижа, обычно предназначались для мужчин.

Однако недозволенные деяния, подобные (по общественной оценке) тем, о которых только что говорилось и о которых сохранились сообщения в источниках, относились прежде всего к сфере сверхъестественного. Замечая, что практика колдовства (определение которого он оставляет довольно расплывчатым) в поздней античности была довольно распространенной, Матисен констатирует несколько важных функций, выполняемых этой практикой: во-первых, занятие запрещенной магией давало возможность самовыражения тем, чьи стремления реализоваться в других каких-то формах обычно встречали препятствия; во-вторых, оно обеспечивало социально приемлемые средства выражения мнений, оказывавшихся в противоречии друг к другу; в-третьих, оно позволяло, пусть временно, но пересекать рубежи существующих условностей. И если увлечение сверхъестествен-

ным преодолевало классовые, гендерные, сословные и имущественные границы, то наказание, полагающееся их нарушителям, по всей видимости, было с этими границами весьма связанным. Матисен замечает, что знатные мужи, участвовавшие в подобных делах, иногда становились епископами и святыми, поэтому, возможно, практика такого рода весьма часто исходила от церковной верхушки. Матисен приводит известный трагический рассказ Григория Турского о Лже-Христе из буржской области, а затем — длинную и скандальную историю о смуте вокруг женского монастыря Святого Креста у Пуатье.

В качестве эпилога после краткого введения предлагается перевод завещания Ремигия Реймского: без объемного комментария, но с множеством кратких замечаний, а также индексом имен и топонимов, содержащихся в документе.

Таким образом, я полагаю, что при избранном Матисеном подходе цель книги — представить позднеантичное общество с различной социальной перспективой, а не только исходя из кругозора представителей элиты — достигнуть почти невозможно. Прежде всего из-за природы подобранных им источников. Мы никогда, вероятно, не узнаем, как реагировали на изменяющийся мир позднеантичной Галлии, описываемый Матисеном, уже упомянутые *the lower classes*. Более того, он нигде не упоминает по крайней мере три возможности взглянуть на данный период их глазами. Так, он практически не обращается к анализу мировоззрения происходивших из низов заказчиков погребальных надписей (вспомним блестящие результаты, достигнутые на этом поприще Е. М. Штаерман и М. Е. Сергеевко). Да и сами надписи такого рода в книге приводятся крайне редко. Далее — его наблюдения относительно движения багаудов более чем лапидарны и не сопровождаются отсылками к первоисточникам. И, наконец, он практически не обращается к проблеме бедности в ту эпоху. Между тем уже три десятилетия эта тема весьма заметна в исследованиях на материале как Восточной, так и Западной Римской империи. Книга Матисена была уже в печати, когда в 2002 г. вышло в свет исследование Питера Брауна «Poverty and Leadership in the Later Roman Empire». Я уже не говорю о прекрасно известной специалистам монографии Е. Патлажан о бедняках Восточной Римской империи. К тому же в известных Матисену источниках существует немало упоминаний о сложных отношениях между бедняками (кем бы они ни были по реальному статусу) и, например, епископами, а это могло бы дать читателю больше знаний о роли бедноты в изменяющемся мире IV—VI вв.

Вообще, наблюдения над тем, какое воздействие на «низшие классы» могла иметь христианизация, в книге весьма невелики. И в то время как первые несколько глав книги радуют читателя большой вариативностью текстов из весьма разнообразных источников, то принимают у них эстафету, как правило, сомнительные свидетельства, особенно сообщения Григория Турского, которые чем дальше, тем больше превалируют в тексте книги. Хотя историк и обязан использовать только то, что предоставляют ему источники, читатель может пожалеть, что автор больше усилий потратил на малоизвестный материал только потому, что знает его лучше другого.

Отдельный вопрос: действительно ли чудеса (даже в составе категории «самовыражение») были необходимы для познания мира до XIX в. или же они являлись проявлением желания большинства людей проявить себя путем мистической экспрессии? Является ли это универсальной потребностью, стоящей над временем и культурой? Наконец, спорной кажется методика анализа положения женщин, так как материал монографии то и дело подтверждает, что преимущественно литературные представления о женщинах и их ролях — это как раз то, что не делает исследование эффективным, особенно в главе шестой (о знатных дамах и королевах варваров), ведь литература того времени, вообще говоря, создавалась мужчинами.

В заключение еще раз скажу, что книга Матисена вызывает противоречивые чувства. Можно приветствовать ее дидактическую составляющую, касающуюся репрезентативности источников или отрывков из них, а также самой методики этой репрезентативности. Что касается, однако, социального анализа позднеантичного общества, то удачным и новаторским я бы его не назвал, за исключением ряда достаточно интересных наблюдений, касающихся в основном социально-культурных сюжетов.

М. А. Киселев, В. А. Ляпин

ИЗ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ ЯРМАРКИ

Рец. на: Дмитриев А. Ирбитская ярмарка // Урал. 2004. № 5 (542). С. 179–220.

Традиционно в исторических и краеведческих трудах Урал XVIII—XIX вв. прежде всего предстает как край заводов и заводоладельцев, приисков и старателей, а в последнее время, в связи с деятельностью Русской православной церкви, — и как православия [см.: Четыре века православного монашества..., 2004], поэтому особого интереса заслуживает работа А. Дмитриева, демонстрирующая Урал купеческий. Данная статья посвящена такому феномену экономической и, в определенной степени, культурной жизни дореволюционного Урала, как Ирбитская ярмарка, а точнее, ее истории в XIX в., когда «маховиками товарооборота в России... служили ярмарки» (с. 179), когда Ирбитская ярмарка переживает свой взлет, расцвет и, вступая в XX век, начинает клониться к упадку.

Автор демонстрирует ярмарку как фактор региональной экономики, которая уже в начале XIX в. хотя и «не числилась среди крупнейших... но выглядела достаточно представительной и не без основания считалась международной» (с. 180); отражаются основные участники, приезжающие к открытию торжища, и их товары, когда «караванщики Хивы и Бухары доставляли в объемистых тюках пряжу, выбойку, шерсть, каракуль, халаты, пряности, сухофрукты...» и т. д. В целом, в данный период спрос на промышленные изделия на Урале и в Сибири был относительно невелик, и в значительной степени благосостояние Ирбитской ярмарки было связано со среднеазиатской торговлей.